

В Третьяковке опять Утвердили НОвое ИСкусство

Казимир Северинович Малевич — существо божественное. Посему дат рождения и смерти не имеет. Он был всегда и будет всегда и везде. Даже в рекламе метрополитена: кружочек и разноцветные клинышки-радиусы на плакатах — это и есть настоящая супрематическая композиция. Сбылась мечта русского авангарда начала века: геометрия внедрилась в массы. В Москве открыты сейчас две выставки, относящиеся к Малевичу: в Третьяковской галерее на Крымском валу и в аукционном доме «Гелос».

В «Гелосе» — «Малевич и художники русского авангарда» (Надежда Удальцова, Давид Бурлюк, Павел Мансуров, Михаил Ларионов). Здесь стоит взглянуть на вполне импрессионистическое полотно Малевича «На даче» — говорят, оно очень раннее (1904) и стоит примерно \$800 тысяч.

«В круге Малевича» (Третьяковка) — это выставка, которая (по сложившейся уже традиции) приехала в столицу из Русского музея. Это очень всерьез: около пятисот произведений из фондов ГТГ, Русского музея и частных собраний. Название отсылает не только к «кругу» как близкому окружению, но и к «кругу» как базовому знаку Малевича. Кругу, без которого в супрематизме — никуда.

В отличие от монографических ретроспективных проектов «Круг» — попытка представить не «самого» (мифическую фигуру, до которой не существовало ничего, кроме хаоса), но и всех тех, без кого марка «Малевич» была бы не столь яркой. Прежде всего это витебские УНОВИСОВЦЫ — утвердители нового искусства. Николай Суетин (истово преданный учителю до конца жизни), Эль Лисицкий, Нина Коган, Давид Якерсон (некоторые супрематические эксперименты он осуществил стопроцентно раньше Малевича), Владислав Стржеминский, Катаржина Кобро, Иван Кудряшев, Вера Ермолаева, Илья Чашник, Лев Юдин...

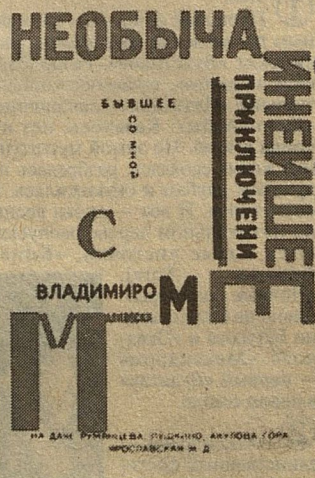
После преподавания в Витебской народной художественной школы (ее возглавлял Шагал) у Малевича был еще Петроградский институт художественной культуры. Здесь с Казимиром Севериновичем успели пообщаться Анна Лепорская, Константин Рождественский, Владимир Стерлигов. После погромной статьи в 1926-м в газете «Ленинградская правда» Малевича уволили, а институт разогнали. Потом были еще персональные выставки Малевича в Берлине и в Москве (в той же Третьяковке), арест ОГПУ (окончившийся ничем) и болезнь.

Малевич считал свое искусство не началом конца живописи, а «началом всего» и «новым реализмом». И если создать полноценное произведение на основе работ Василия Кандинского и Марка Шагала (слишком уж ярких оригиналов и индивидуальностей) невозможно, то базовые фигуры Малевича (квадрат-круг-крест) доступны для эксперимента любому, у кого с художественным и пространственным мышлением все хорошо. Поэтому-то «ученик копирует не из подражания, а из желания приобщиться к тайне изображения», — такой лозунг висел на стене в здании УНОВИСа.

Самого Малевича на выставке нет — но его дух точно витает где-то над залом. Кстати, двухуровневое алогичное пространство этого зала, которое не так давно чуть не погубило выставку Айвазовского, авангардистам пришлось впору. Главное — голос каждого художника прозвучал вполне отчетливо. Не забыли даже дневники Суетина: в них на соседних страницах есть в сердцах сказанное «Человек — сволочь» и крупно наискось начертанное счастливое слово «ЖИЗНЬ».

Сногсшибательно современно смотрелся суетинский мебельный гарнитур и холодные пространственные композиции Чашника (восстановленные потомками художников). Суетину и Чашнику, кстати, отдан целый раздел — и не самый худший. А если кому-то супрематический фарфор или изысканные композиции Эля Лисицкого покажутся кому-то слишком холодными — то вот вам многоцветие ранних работ Ермолаевой или задумчивость Стерлигова.

Дарья АКИМОВА

Книжная графика
от Эля Лисицкого

Вит. Москва - 2001 - В мал-0.5